

нымъ» и потребовала новаго разслѣдованія. Новый слѣдователь занялся разсмотрѣніемъ дѣйствій и поступковъ прежняго слѣдователя, а объ обвиняемыхъ не проронилъ ни полслова. А губернскій прокуроръ писалъ въ курское губернское правленіе о томъ, что «такъ какъ ему предписано министромъ юстиціи наблюденіе по дѣлу объ убійствѣ отставного майора Оловянникова, то онъ считаетъ необходимымъ, чтобы подсудимымъ были предоставлены всѣ средства къ оправданію», какъ будто бы кто либо мѣшалъ имъ оправдываться.

Съ 1834 года Оловянниковское дѣло вступило въ новый фазисъ, который идетъ до самаго окончанія его. Этотъ фазисъ—самый любопытный и въ то же время неудобный въ своихъ подробностяхъ для изложенія вслѣдствіе того, что въ это время тянулась безконечная и скучная переписка присутственныхъ мѣстъ по дѣлу объ убійствѣ Оловянникова. Достаточно сказать, что дѣло это было окончено только въ концѣ 1838 года, т. е. замедлилось на цѣлыхъ семь лѣтъ, несмотря на то, что окончанія его требовалъ нѣсколько разъ министр юстиціи и самъ государь Николай Павловичъ. Въ мартѣ 1834 года, состоялось именное повелѣніе о скорѣйшемъ окончаніи дѣла объ Оловянниковѣ уголовною палатою. Палата въ длиннѣйшей отпискѣ, гдѣ ею подробно были расписаны полученія и отправленія бумагъ, движеніе ихъ по разнымъ инстанціямъ и т. п., заявила, что дослѣдованіе о совершенномъ преступленіи заключаетъ въ себѣ 497 листовъ, а «дѣло объ умерщвленіи Оловянникова, чрезъ производство трехъ слѣдствій, вмѣстѣ съ производствами уѣзднаго суда и сея палаты, независимо отъ того обслѣдованія, на 3.700 листахъ размножено, и теперь изъ дѣла составляется экстрактъ, къ чему прилагается неусыпное стараніе». Для проявленія этого неусыпнаго старанія понадобились цѣлые годы. Просмотръ вороховъ исписанной бумаги выясняетъ намъ то обстоятельство, что въ Курскѣ по дѣлу Оловянникова боролись два теченія—административное и судебное: курскіе губернаторы и губернское правленіе старались направить пресловутое дѣло на надлежащій путь, предавали суду виновныхъ въ потворствѣ чиновниковъ, посылали предписанія и предложенія, а судебныя власти, губернскій прокуроръ, стряпчіе, уголовная палата держали руку подсудимыхъ, затягивали дѣло до безконечности, а палата поголовно оправдывала всѣхъ, кого губернское правленіе отдавало подъ судъ. Зато подсудимые, получившіе громадное наслѣдство, при окончаніи дѣла оказались совершенно нищими. Не будетъ никакой ошибки, если скажемъ, что въ этомъ дѣлѣ полетѣла сотня тысячъ. А когда фонды были исчерпаны до дна, то изъ уголовной палаты Оловянниковское дѣло было отправлено въ сенатъ, о чемъ палата писала губернскому правленію: «благоволитъ оное правленіе быть извѣстно, что дѣло объ умерщвленномъ щигровскомъ помѣщикѣ майорѣ Григорѣѣ